

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

В первые дни апреля зима на Украине подошла к концу. Снег стоял, земля подсыхала, на холмистых лугах и по берегам рек зацвели дикие крокусы, гиацинты и тюльпаны. Под стать весенней атмосфере было и расположение духа Карла. В ожидании свежих шведских полков и польской королевской армии он вел переговоры с крымскими татарами и султаном. Король чувствовал себя настолько уверенно, что оставил без внимания попытку русских договориться о мире. Когда Петр прислал к нему плененного под Лесной шведского офицера сообщить, что «царь склонен заключить мир, хотя и не может поступиться Петербургом», Карл ему даже не ответил¹.

Дожидаюсь результатов переговоров с турками и татарами, Карл решил отвести армию южнее, куда скорее могли бы поспеть подкрепления как из Польши, так и из Крыма. В 200 милях к юго-востоку от Киева на Харьковской дороге находилась Полтава — небольшой, но оживленный торговый городок, расположившийся на гребне двух крутых обрывов, нависших над широкой, болотистой поймой Ворсклы, притока Днепра. По европейским понятиям, Полтава была не слишком надежно укреплена — ее окружал десятифутовый земляной вал с тыном по верху, рассчитанный на защиту от грабитель-

297

ских набегов казаков и татар, но никак не от атак регулярной европейской армии, располагавшей артиллерией и опытными военными инженерами. Если бы Карл пошел на Полтаву минувшей осенью, он легко овладел бы ею, но в то время король считал, что Полтава великовата для зимних квартир. А с осени русские успели укрепить город, установить на валах девяносто одну пушку и усилить гарнизон. В распоряжении энергичного коменданта, полковника Келина было теперь 4182 солдата и 2600 ополченцев.

Карл все это знал и тем не менее решил осадить город. Инженерная подготовка осады была возложена на генерал-квартирмейстера Гилленкрока, который слыл специалистом по подкопам и другим осадным приемам. Король требовал, чтобы тот действовал по рецептам знаменитого французского мастера, и в шутку величал его «наш Маленький Вобан». Гилленкрок приступил к работе, хотя сразу предупредил короля, что у них наблюдается явная нехватка едва ли не самого главного компонента всякой успешной осады — артиллерии, способной обеспечить эффективный обстрел. Гилленкрок понимал, что в конце концов Карлу придется бросить на штурм пехотинцев, и потому сказал королю: «Приступ может погубить пехоту вашего величества, а все будут считать, что эту осаду присоветовал вам я. Посему прошу не винить меня в случае неудачи». «Не бойтесь, — уверенно отозвался Карл, — всю ответственность я беру на себя»².

Шведы начали рыть трашеи и 1 мая приступили к обстрелу крепости. Постепенно линия окопов приближалась к стенам Полтавы. Однако в шведском лагере многим, включая самого Гилленкрока, казалось, что не все имеющиеся у них возможности используются в полной мере. В первый день осады пушки палили непрерывно, обрушивая на защитников города лавину огня, но в 11 часов вечера король неожиданно приказал прекратить обстрел. Гилленкрок возражал. Он доказывал,

298

что если вести обстрел хотя бы еще шесть часов, Полтава непременно сдастся на милость

короля. Но Карл был непреклонен, и орудия смолкли. В дальнейшем интенсивность огня ограничили пятью залпами в день, что могло в лучшем случае потревожить противника. Шведам, конечно, нужно было экономить порох, но не в такой же степени!

И Гилленкрот, и многие другие офицеры не понимали не только странной тактики короля, но и того, зачем вообще предпринята эта осада. Почему впервые за всю русскую кампанию Карл вдруг изменил своей приверженности бою в открытом поле и предпочел осаду? Но уж если он все-таки начал ее, почему ведет в такой вялой манере? Обеспокоенный и растерянный Гилленкрот как-то поинтересовался, что думает об этом Реншильд. «Видимо, король желает немного развлечься, пока не подойдут поляки», — отвечал фельдмаршал. «Дорогое удовольствие, — заметил Гилленкрот. — За него придется платить многими человеческими жизнями». «Коль скоро такова воля его величества, нам надлежит удовлетвориться этим», — заявил Реншильд и, не желая продолжать разговор, поскакал прочь.

Многие шведские офицеры, как и Гилленкрот сбитые с толку, полагали, что осада представляет собой хитроумную уловку и затеяна для того, чтобы выманить на бой основные силы Петра. Если замысел Карла и впрямь был таков, гарнизон Полтавы невольно способствовал его осуществлению тем, что упорно оборонялся. Защитники отбивали приступы, устраивали вылазки и разрушали ходы подкопов, которые тянул к стенам Гилленкрот. Сам Карл был поражен столь ожесточенным сопротивлением. «Ну и ну! — говорил король, — Не иначе как русские сошли с ума — похоже они вздумали защищаться по-настоящему».

За шесть недель затянувшейся осады весну сменило знойное украинское лето. Король всегда находился в самом опасном месте. Чтобы воодушевить своих во-

299

инов, он перебрался в домик, стоявший так близко от городских валов, что стены его были изрешечены неприятельскими пулями. Хотя защитники Полтавы прицельным огнем поражали шведских саперов и инженеров, траншеи и окопы подвигались все ближе. Однако время работало против шведов. Наступила жара, среди раненых распространилась гангрена и многие стали умирать. Добывать съестные припасы становилось все труднее; отряды фуражиров рыскали по окрестностям, вновь и вновь обирая хутора и селения, пытаясь выколотить последнее из людей, которых сами же за неделю до того обчистили до нитки. Вскоре нельзя было раздобыть иной пищи, кроме конины и черствого хлеба. Пороху оставалось мало, да и тот был сильно подпорчен талыми снегами и весенними дождями. Пушечный выстрел звучал не громче хлопка в ладоши. Мушкеты стреляли едва ли дальше, чем на двадцать ярдов. Да и свинца тоже недоставало, так что приходилось высылать из окопов солдат — подбирать на поле стреляные неприятельские пули.

А в это время на противоположном, восточном берегу Ворсклы стягивались силы русских. В деревне Крутой Берег расположилась ставка Меншикова — самого напористого из русских генералов. С северо-востока подходила армия Шереметева. Меншикову было поручено наблюдать за действиями шведов и по возможности стараться облегчить положение полтавского гарнизона. Последняя задача была не из легких. Между низким восточным берегом, где стояли русские войска, и крутым, обрывистым западным, поднимавшимся более чем на 200 футов к стенам Полтавы, пролежала широкая заболоченная пойма реки, которую не могли преодолеть не только крупные силы, но и небольшие отряды. Русские не раз пытались послать через реку подкрепления в Полтаву. Они пробовали даже заваливать топи мешка-

300

ми с песком, но все было тщетно. С Полтавой в конце концов удалось наладить связь: Меншиков и Келин «перестреливались» через реку посланиями, помещенными в полые пушечные ядра.

Не прекращались военные действия и вдоль реки. По обоим берегам беспрестанно патрулировали отряды русской и шведской конницы, стараясь не упустить из виду малейшего передвижения в стане противника, а заодно и захватить языков, от которых можно было бы выведать ценные сведения. В конце мая в Крутой Берег во главе многочисленной пехоты прибыл Шереметев, но, несмотря на численное превосходство, русские военачальники не могли решить, что им следует предпринять. Полковник Келин извещал, что запасы пороха у него на исходе, что шведские подкопы доведены почти до самых стен и он едва ли продержится дольше конца июня. Ни Меншиков, ни Шереметев не желали допустить падения

Полтавы, но и дать неприятелю генеральное сражение тоже не были готовы. Вопрос о том, чтобы попытаться нанести массированный удар и форсировать Ворсклу под огнем шведов, даже не поднимался. Сознывая, что близится решающий момент, Меншиков просил государя, уже выехавшего из Азова, поскорее присоединиться к армии. 31 мая царь ответил: «Я сего часу сюды прибыл и как возможно поспешать буду, однако понеже в нужном деле и час потерять нужной бывает худо, для того, ежели что надлежит нужно и не дожидаясь меня с помощью Божией делайте»⁵. Но Полтава пока держалась, и царские полководцы решили подождать.

4 июня прибыл Петр. Обычно он назначал командующим кого-нибудь из своих военачальников, отводя себе подчиненную роль, но на сей раз принял командование сам. С царем прибыло еще 8000 новобранцев. Приезд государя очень воодушевил войска, которые беспрестанно схватывались с неприятелем вдоль речного рубежа. 15 июня русские неожиданно обрушились на занятое шведа-

301

ми местечко Старые Санжары и отбили у противника 1000 соотечественников, взятых в плен под Веприком прошлой зимой, а верные царю казаки сумели захватить часть шведского обоза. Теперь уже вырисовывались очертания предстоящей великой баталии. Две армии сошлись в непосредственной близости, и каждую из них возглавлял монарх. Оба государя понимали, что наступает решающий момент. Оказавшийся в изоляции, терявший оперативный простор Карл должен был в конце концов предпринять попытку прорыва. Петр понимал это и считал неизбежным. Прежде царь не хотел рисковать судьбой армии в открытом бою, но теперь он решился. Его стратегия принесла свои плоды. Неприятель был обложен со всех сторон. Многочисленный корпус Гольца не только не позволил бы Карлу получить подкрепление из Польши, но и ему самому закрывал путь к отступлению. А на Ворскле у Петра было вдвое больше сил. В письме, которое Петр отправил Апраксину 7 июня, по прибытии к армии, чувствуется уверенность и решимость: «Получили мы от вас еще письмо и пункты, но ныне вскоре ответствовать не можем, понеже сошлись близко с со-седьми и, с помощью Божиею, будем конечно в сем месяце главное дело с оным иметь»⁶.

Через несколько дней после приезда Петр, собрав в палатке своих генералов, тщательно изучил обстановку. Всем было ясно, что падение Полтавы - это только вопрос времени. Если шведы овладеют городом, он превратится в их опорный пункт, где они смогут дожидаться подкреплений, на которые возлагал надежды Карл и которых опасался Петр. Тогда может случиться, что дорога на Москву будет вновь открыта для неприятеля. Ставка была настолько высока, что царь и его генералы приняли нелегкое решение: дабы ослабить натиск шведов на Полтаву и удержать город, ввести в действие основные силы. Не позднее 29 июня предстояло дать крупное, а

302

может быть и решающее, сражение — иначе Полтава достанется шведам. К этому времени должны были собраться все царские силы: ожидали еще казаков Скоро-падского и 5000 калмыков под водительством хана Акжи. Но армия не могла вступить в бой, оставаясь на восточном берегу Ворсклы: ее следовало переправить. Оказавшись на западном берегу, русские смогли бы нанести фланговый удар по позициям шведов, осаждавших Полтаву. На худой конец, даже если бы крупное сражение не состоялось, присутствие русских войск так или иначе отвлекло бы значительную часть шведских сил и ослабило их натиск на город. Вдобавок, царь смог бы пустить в ход свою многочисленную полевую артиллерию, которая вместо того, чтобы стрелять по врагу, бесполезно молчала за рекой.

Царю предстояло выбрать место и время для переправы. У него не возникало и мысли о том, чтобы бросить армию прямо через болотистое русло навстречу яростному неприятельскому огню, как нередко поступал Карл. Желая сбить шведов с толку, Петр распорядился провести ряд отвлекающих вылазок вдоль всего речного фронта — и к югу, и к северу от Полтавы. Было решено переправить основные силы в восьми милях к северу от города, у Петровки, где конница могла переехать реку вброд. Вслед за Ренне с его десятью полками кавалерии и драгун предстояло переправиться десяти пехотным полкам Галларта. Этим силам надлежало расчистить плацдарм за переправой и встать укрепленным лагерем у Семеновки, одной милей ниже брода, после чего через реку перейдет и Петр с основной армией. Ренне и Гал-лард без

промедления вывели свои войска к Петровке и 14 июня попытались форсировать реку, но были отброшены шведами. Однако Петр своего намерения не оставил и, поскольку Келин сообщал из Полтавы, что силы его на исходе, решил, не откладывая, предпринять новую попытку.

303

Намерение Петра перейти Ворсклу у Петровки не было секретом для шведов. 15 и 16 июня шведская армия оставалась в боевой готовности. Десять кавалерийских полков и шестнадцать пехотных батальонов под командованием Реншильда должны были встретить русских, когда те двинутся через реку. Реншильд намеревался позволить неприятелю переправить часть свежих сил, но лишь столько, чтобы численное превосходство на западном берегу оставалось за шведами, а затем атаковать и сбросить авангард противника в Ворсклу. Сам Карл собирался остаться с войсками, часть из которых осаждала Полтаву, а другая стояла вдоль реки южнее города, — до тех пор пока не завяжется битва и не станет очевидным, что на южном фланге русские переправляться не будут. Убедившись в этом, король тут же выступит на север, на поддержку Реншильда. Этот логически выверенный план должен был обеспечить шведам победу, но прежде чем он мог бы сработать, стряслась беда.

17 июня 1709 года Карлу исполнилось двадцать семь лет. Девять из них он провел в боевых кампаниях, но судьба щадила его, и король всегда оставался невредим. Хотя под Нарвой в него на излете попала пуля, а в Польше он сломал ногу, Карл ни разу не был серьезно ранен. И вот сейчас, в самый критический момент его полководческой карьеры, удача неожиданно изменила шведскому королю.

Тем утром Карл направился к селу Нижние Млины осмотреть позиции на Ворскле, занятые казаками и шведами. Ожидалось, что битва, которая должна была развернуться к северу от Полтавы, отвлечет туда большую часть шведских войск. Однако король желал убедиться в том, что южный фланг охраняется надежно, и противник здесь не прорвется. Между тем, в соответствии с замыслом Петра, русская конница непрерывно тревожила шведов, отвлекая их внимание. Одна такая отвле-

304

кающая атака - попытка переправиться через реку — была только что отбита.

Около 8 часов утра с эскадроном драбантов появился Карл и стал осматривать позиции, разъезжая у самой кромки воды. Русские, из числа участников недавно отбитой шведами вылазки, укрылись на одном из многочисленных островков и, завидев группу всадников, судя по всему офицеров, открыли огонь, благо расстояние было невелико. Один из драбантов был сражен насмерть. Однако Карл, ничуть не тревожась о своей безопасности, неторопливо ехал вдоль берега. Лишь закончив осмотр позиций, король повернул коня и стал удаляться от реки — и в этот момент пуля русского стрелка попала ему в левую ногу.

Пуля пробила сапог, ударила в пятку, прошла вдоль ступни, раздробила кость и вышла возле большого пальца. Скакавший рядом польский аристократ, граф Станислав Понятовский, представитель короля Станислава при шведской армии, заметил, что король ранен, но тот приказал ему молчать. Должно быть, рана причиняла нестерпимую боль, но Карл продолжал инспекционную поездку, как будто ничего не случилось. Когда он вернулся в ставку, было около одиннадцати часов — он был ранен почти три часа назад. К тому времени многие офицеры и солдаты заметили необычную бледность короля и кровь, сочившуюся из пробитого левого сашга. Карл попытался слезть с седла, но от невыносимой боли лишился чувств.

Раненая нога так распухла, что нельзя было снять сапог, не разрезав его. Врачи осмотрели рану. Пуля . прошила стопу насквозь и осталась в чулке у большого пальца. Кости были раздроблены, и в ране застряли осколки. Чтобы удалить их, требовалось сделать глубокий и болезненный надрез, и хирурги заколебались. Однако пришедший в сознание Карл был тверд: «Ну же, давайте! Режьте смелее!» — обратился он к хирургам и собственными руками поддерживал раненую ногу, пока

305

проводилась операция. Он даже не отвернулся и ничем не показывал, что ему больно. Более того, когда хирург не решался обрезать распухшие и воспаленные края раны, король взял ножницы и удалил пораженную плоть собственноручно .

Известие о том, что король ранен, мигом облетело шведский лагерь и потрясло всех — от солдата до генерала. Краеугольным камнем, на котором зиждился боевой дух шведской армии, была вера в то, что их король не только непобедим, но и неуязвим. Карл всегда первым бросался в гущу сражения и ни разу не был даже задет, будто Госгтодь прикрывал его невидимым щитом. Эта вера давала солдатам силы без страха следовать за ним повсюду. Карл мгновенно понял, какая возникла угроза для боевого духа армии. Когда в крайнем волнении к постели короля явились генералы и Пипер, Карл без тени тревоги на лице заверил их, что рана не опасна, быстро заживет и скоро он снова будет в седле. Однако рана не только не заживала, но стала гноиться. У Карла начался жар, воспаление пошло вверх и достигло колена. Врачи полагали, что ногу придется отнять, но не решались сказать об этом королю. Двое суток, между 19 и 21 июня, казалось, что и ампутировать ногу уже поздно, и Карл пребывал между жизнью и смертью. 21-го хирурги опасались, что смерть наступит с часу на час. Пока король лежал в горячке, от его постели не отходил старый слуга и, как ребенку, рассказывал ему сказки и старинные северные саги об отважных принцах, одолевавших злых врагов и получавших в награду прекрасных принцесс.

Немочь короля немедленно сказала на тактической ситуации вокруг Полтавы. 17 июня уже раненый, но не впавший в беспамятство Карл, предоставил Рен-шильду самостоятельно решать, стоит ли оборонять брод у Петровки. Войска фельдмаршала были готовы к встрече собиравшихся за рекой русских эскадронов и батальонов и только ждали, когда противник начнет

306

форсировать реку. Но, прослышав о ранении Карла, Реншильд оставил войска и помчался в ставку, чтобы поточнее узнать о состоянии Карла и о том, не будет ли изменен генеральный план баталии. Король приказал ему принять командование. Посоветовавшись со своими офицерами, фельдмаршал решил отказаться от первоначально задуманной атаки на северном фланге, — слишком ощутимо ранение Карла выбило из колеи солдат и офицеров.

Петр узнал о том, что король ранен, к вечеру 17 июня. До сих пор его решение переправить армию через реку не было окончательным; он собирался лишь ступить на западный берег и посмотреть, что из этого выйдет. Теперь же, прослышав о ранении Карла, царь приказал армии выступать без промедления. 19 июня кавалерия Ренне и пехота Галларта беспрепятственно пересекли Ворсклу и быстро окопались в Семеновке. В тот же день основная армия снялась с лагеря в Крутом Берегу и двинулась на север, к броду у Петровки. Впереди шла гвардейская бригада, за ней корпус Меншикова, следом артиллерия и обоз, и, наконец, корпус Репнина. С 19 по 21 июня, в те дни, когда Карл лежал при смерти, река была запружена людьми, лошадьми, орудиями и подводами: русская армия переправлялась с восточного берега. Когда вся она оказалась на западном берегу, сражение стало неизбежным. Противник лицом к лицу сошлись на тесном, ограниченном реками плацдарме, и ни один из них уже не мог отойти — отступить в непосредственной близости от сильного неприятеля весьма небезопасно. На западном берегу, воспользовавшись тем, что шведы не пытались сразу ввязаться в сражение, русские заняли позиции тылом к реке и стали усердно их укреплять. Они не сомневались, что очень скоро неприятель пойдет в атаку. Но этого не случилось.

К 22 июня шведы преодолели растерянность. Состояние короля оставалось тяжелым, но смерть ему

307

более не грозила. Реншильд вывел армию в поле северо-западнее Полтавы и построил боевые порядки, вызывая Петра на битву. Дабы воодушевить войска, в носилках, подвешенных между конями, перед строем появился Карл. Но Петр не обнаружил желания принять вызов, а продолжал деловито укреплять свой лагерь. Он и так уже почти достиг своей цели — отвлек шведские силы от осады Полтавы. Видя, что русские не

намерены вступать в бой, Карл приказал Реншильдусу не держать попусту людей в строю. Именно в этот миг, когда король на носилках находился среди солдат, из Крыма и Польши прибыли наконец долгожданные гонцы, от которых он с нетерпением ждал известий о подкреплении.

Из Польши Карлу сообщили, что ни Крассов, ни Станислав на помощь не придут. Поляки были в своем репертуаре — вечные интриги, зависть, метание из стороны в сторону. Станислав неуверенно чувствовал себя на шатком польском троне и вовсе не желал идти на восток и оставлять ненадежное королевство без присмотра. С Крассовым у него вышла размолвка, и генерал отвел свой корпус в шведскую Померанию, где занимался обучением прибывавших из Швеции новобранцев, намереваясь в дальнейшем выступить с ними на Украину, к королю. Но прибыть он мог только к концу лета. Второй гонец был от Девлет-Гирея. Хан заверял Карла в неизменной дружбе и сожалел, что не может прислать войска ему на подмогу, поскольку султан ему этого не позволил. Прикованному к носилкам шведскому королю пришлось проглотить горькую пилюлю. Он понял, что его надежды на подкрепление были тщетными, как и мечта о великом походе союзников с юга на Москву. Король сообщил эти безрадостные новости своим советникам, и те впали в уныние. Практичный Пипер рекомендовал немедленно прервать кампанию, снять осаду с Полтавы и отступить с войсками за Днепр, в

308

Польшу, чтобы спасти короля и армию для будущего. Граф советовал также не пренебрегать возможностью дипломатических переговоров с царем. Пипер напомнил, что недавно получил письмо от Меншикова, в котором князь предлагал лично явиться для переговоров в шведский лагерь, если Карл гарантирует ему неприкосновенность. Даже если его величество и подпишет мир с Россией, убеждал Пипер, войну можно будет возобновить потом, при более благоприятных обстоятельствах. Но Карл отверг и отступление и переговоры.

А тем временем положение шведской армии медленно, но неуклонно ухудшалось. Армия таяла на глазах: в мелких стычках каждый день гибли или получали ранения люди, а заменить их было нечем. Съестного не хватало, поскольку весь край обчистили до последнего зернышка; порох никуда не годился, свинец был на исходе, изнашивались мундиры, из прохудившихся сапог торчали пальцы. Ощущение, что русских никогда не удастся выманить из лагеря и заставить принять бой, действовало угнетающе, а к нему добавлялись апатия и вялость, вызванные изнуряющим зноем. Самого Карла, вот уже сколько дней прикованного к постели, одолевало беспокойство, смешанное с усталостью. Он остро ощущал необходимость что-то предпринять и оттого еще больше страдал от своей беспомощности. И по мере того, как одна за другой терпели крах все его надежды, а позиции шведов под Полтавой становились все более уязвимыми, у него росло желание покончить со всеми тревогами одним решительным ударом. Карлу был ведом один выход — баталия. Баталия может не принести победы, но по крайней мере сохранит честь. Если король победит, это возродит к жизни почти погребенные ныне надежды. Тогда-то турки и татары не преминут примкнуть к победоносной шведской армии, чтобы принять участие в триумфальном походе на Москву. Но пусть даже обстоятельства не позволят одержать реши-

309

тельную победу. Что ж, ничейный исход, подобный результату битвы у Головчина, все равно откроет путь к почетным переговорам и позволит вернуться в Польшу, не теряя достоинства, Карл решил дать бой во что бы то ни стало. Он должен обрушить на врага все оставшиеся силы - без промедления и по возможности неожиданно.

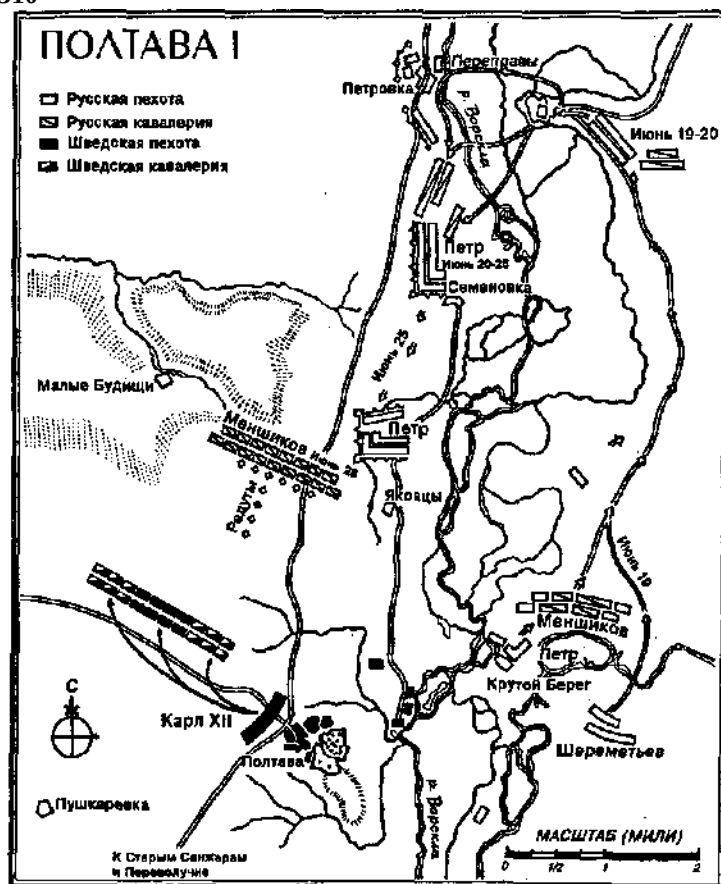
У Петра оснований стремиться к сражению было гораздо меньше. Шведский король мог спасти положение, только навязав бой неприятелю и одержав в нем хотя бы неполную победу. Иное дело Петр: он и без того достиг чего желал. За Полтаву можно было теперь не опасаться, как и за то, что шведы получают подкрепление. Царь не стремился к бою - другое дело, если бы удалось заставить шведов штурмовать укрепленные русские позиции: тогда преимущество

русских было бы бесспорно. Исходя из этого Петр и вел всю подготовку.

В ночь на 27 июня русская армия вышла из лагеря у Семеновки, переместилась на юг и разбила лагерь у деревни Яковцы, всего в четырех милях севернее Полтавы. Работая всю ночь, русские солдаты возвели четырехугольное земляное укрепление. Противник по-прежнему внушал Петру уважение и атаковать царь по-прежнему не решался, но, подводя войска все ближе, он как-будто приглашал, заманивал, чуть ли не вынуждал шведов штурмовать земляные валы. Тылом русские позиции были обращены к обрывистому берегу Ворсклы. В этом месте он был так крут, а заболоченная пойма так широка, что о переправе сколь бы то ни было значительных сил не могло быть и речи. Следовательно, отступить отсюда армия могла бы только на север, назад к броду у Петровки.

Однако место для лагеря было выбрано удачно. К югу, до самой Полтавы тянулись леса, перемежающиеся оврагами и лощинами, так что крупные силы подойти с

310

этой стороны не могли, как, впрочем, и с севера, где тоже рос густой лес. Приблизиться к лагерю можно было только с запада, где раскинулась широкая равнина с редкими кучами деревьев. Лагерь был укреплен со всех четырех сторон, но наиболее тщательно, разумеется, с запада. Здесь вдоль вала тянулся ров глубиной шесть футов, а на его гребне было установлено семьдесят пушек. Позади него, ожидая своего часа, раскинула свои палатки пехота — пятьдесят восемь батальонов общим числом 32 000 человек. А снаружи за валом стала лагерем кавалерия — 10 000 всадников в составе семнадцати собственно кавалерийских и драгунских полков.

Укрепления были надежны, численное превосходство неоспоримо, но Петру все казалось мало. Он воевал со шведами вот уже девять лет и хорошо знал, какие это мастера наносить неожиданные удары. Поэтому он принял дополнительные меры предосторожности, исходя из того, что когда бы шведы ни вздумали напасть на русский лагерь, у них только один путь — по Полтавской дороге. Примерно в миле к югу от лагеря открытая равнина сужалась. С востока она была ограничена лесом и оврагами, а с запада болотистым перс-леском. Оставался узкий проход, по которому и шла дорога. Петр перекрыл эту горловину цепью из шести земляных редутов, расположив их на расстоянии мушкетного выстрела (около 300 ярдов) друг

от друга. Каждый редут — четырехугольник земляных стен длиной около 100 футов с любой стороны — вмещал несколько сот солдат и одну-две пушки. В них засели солдаты двух батальонов Белгородского полка и отдельные подразделения из полков Неклюдова и Нечаева. За линией редутов разместились уже упомянутые семнадцать драгунских и кавалерийских полков, поддержанные тринадцатью орудиями конной артиллерии. Командовали этими силами Меншиков, Ренне и Боур. Полевые укрепления в сочетании с многочисленной конницей должны были стать передовым заграждением, первой

312

линией противодействия любой попытке шведов прорваться сквозь горловину.

26 июня в армии был зачитан приказ Петра: «Ведало бы Российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их. Или пропасть весьма, или же в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский...» Приказ завершали слова: «А о Петре ведайте, что ему житие свое недорого, только б жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего» .